Е.А. ЛИСИНА
Кандидат философских наук, советник при ректорате МГХПА им. С.Г. Строганова
e-mail: lisina@mghpu.ru

E.A. LISINA
Candidate of Philosophy, Advisor to the Rector›s Office of the Stroganov Moscow State Academy of Design and Applied Arts
e-mail: lisina@mghpu.ru

УТОПИИ И АНТИУТОПИИ СОВЕТСКОГО УРБАНИЗМА

UTOPIA AND ANTIUTOPIA OF SOVIET URBANISM

Статья посвящена концепции города в советской стратегии урбанизации. В 1920–1930-х стратегии градостроения вырабатывались в спорах и дискуссиях. Важным принципом построения советского города был отказ от достижений и ценностей капиталистических городов. Принципами советского города были конструктивистская четкость линий, прямоугольное планирование кварталов, обеспечение обобществленного быта, обеспечение промышленности. Город мыслился как место жительства рабочих. Марксистское стремление соединить город с деревней понималось как уменьшение промышленных городов и возрастание деревень до уровня городов сельскохозяйственно-промышленных.

The article is devoted to the concept of the city in the Soviet urbanization strategy. In the 1920s–1930s, the first urban development strategies were developed in disputes and discussions. An important principle of building a Soviet city was the rejection of the achievements and values of capitalist cities. The principles of the Soviet city were constructivist clarity of lines, rectangular planning of quarters, provision of socialized life, provision of industry. The city was conceived as the residence of workers. The Marxist desire to connect the city with the village was understood as the reduction of industrial cities and the growth of villages to the level of agricultural and industrial cities.

Ключевые слова: утопия, советский город, урбанизм, антиутопия, конструктивизм, индивидуализм, общество, коммуна, коммунизм, социалистический город, капиталистический город.
Keywords: Utopia, the Soviet city, urbanism, dystopia, constructivism, individualism, society, commune, communism, socialist city, capitalist city.

Главной проблемой социалистического города было то, что он должен быть родиться, как цыпленок из яйца, из города капиталистического. Недаром Л.М. Сабсович предпослал своей книге «Социалистические города» эпиграф с цитатой Ленина: «Мы можем (и должны) начать строить социализм не из фантастического и не из специально нами созданного человеческого материала, а из того, который оставлен нам в наследство капитализмом. Это очень «трудно», слов нет, но всякий иной подход к задаче так не серьезен, что о нем не стоит и говорить» [8, с. 5].

Однако если капиталистический город развивался естественно, вокруг рынка, и видимый хаос его организации имел свои внутренние принципы, то город социалистический должен был быть построен, во-первых, как место жилья рабочих (то есть, по сути, как производственный поселок: «Промышленность для большинства советских городов-новостроек — основной градообразующий центр» [4, с. 7]), а во-вторых, как полностью спланированное место, подчиненное единой стратегии развития. Такое понимание города, во-первых, несколько изменяло суть самого понятия, а во-вторых, возлагало на плечи стратегов и архитекторов огромную ответственность. Эту ответственность за будущие города они воплощали в своих трудах об идеальном городе. Придуманные как утопия, эти проекты стали прообразом главных антиутопий XX века.

Советский город: утопия vs практика

Вопрос урбанизма был одним из ведущих в стратегических направлениях развития СССР. Как писал Л.М. Сабсович, «проблема города является одной из наименее разработанных проблем перспективного развития нашего Союза» [8, с. 7]. Как признавал в 1926 году А.Л. Пастернак, в СССР градостроение было наукой только зарождающейся: «Мы … вообще почти не имеем места в этом научном шествии: нет у нас крупных теоретиков, ни каких-либо достижений в этой области. Мы все еще питаемся и живем за счет любезности соседей с Запада» [7, с. 4].

При этом важнейшей проблемой становилось то, что образцы удачно развитых городов были уже представлены в капиталистических странах. И все, из чего могли вести свое развитие социалистические города, было капиталистическим по происхождению: так, «стихийно развивавшаяся на протяжении многих веков Москва отражала даже в лучшие годы своего развития характер варварского российского капитализма» [10, с. 1].

Западные образцы представлялись как нечто не только чуждое, но и лишенное архитектурной концепции: «Современной промышленной архитектуре капиталистического Запада чужды требования архитектурного ансамбля» [4, с. 7]. Более того, «современные капиталистические города или города мещанского провинциального уюта как материально-технические "органы" общества явились верными союзниками контрреволюции ... Признак частной собственности выпирает на каждом шагу» [2, с. 63].

Борьба с капиталистическим образом города и установление нового, социалистического образца стала важной, двуединой, стратегической задачей. Тем концептуальнее выглядят выводы западных урбанистов, в итоге определивших советский город как «амальгаму, состоящую из капиталистических реликтов и социалистического планирования» [11], построенный по принципу «одновременности исторических (капиталистических) и новых (социалистических) структур» (Хартмут Хойсерманн) [цит. по: 1, с. 12].

Капиталистический путь развития городов (как места жительства рабочих) определялся советскими теоретиками как стремление «постепенно улучшать условия жизни рабочих, обставляя дома для рабочих наибольшим благоустройством, предоставляя рабочим возможность пользоваться газом, электрическими утюгами, небольшими стиральными машинами и т. п.» [8, с. 10]. Кроме всего прочего, западный путь — это путь увеличения мегаполисов.

Социалистический путь развития города, места жительства рабочих, представал совсем иным, как «путь коренной социалистической реконструкции быта, путь полной перестройки быта на началах полного обобществления обслуживания бытовых и культурных потребностей рабочего населения, путь постройки новых социалистических городов и радикальной социалистической реконструкции существующих городов» [там же]. Эта переустройка быта предполагала централизацию (то есть

вынесение за рамки частной жизни) бытовых забот (готовка, стирка и пр.), педагогики, коллективизацию жизни, работы и отдыха, слияние работы с образованием, а воспитания детей — с производственным циклом.

В 1930-е образ городского дома исключал и частную кухню, и частную ванную, и саму частную квартиру: дома «не должны заключать в себе помещения для обособленной жизни каждой отдельной семьи, ибо семья в том смысле, в каком она существует сейчас, безусловно исчезнет» [8, с. 44], идеальным же типом жилого дома сбыл объявлен «большой благоустроенный дом-коммуна, или жилой комбинат (из домов меньших размеров) на 2–3 тыс. взрослых трудящихся», где у каждого своя комната в 5–9 кв. м, но «никаких комнат для общего проживания в них мужа и жены быть не должно» [там же, с. 46–49]. Однако, ратуя за обобществление быта, различные авторы по-разному смотрели на одни и те же вопросы: если Л.М. Сабсович утверждал недопустимость воспитания детей матерью, то Н.А. Милютин предлагал лишь добровольное общественное воспитание, лишь обеспечение возможности отдать ребенка в ясли или сад.

Прогнозирование роста транспортной сети должно было обеспечить большое количество малых городов, «в которых гораздо легче сорганизовать жизнь на новых началах, и в которых можно создать для рабочего населения совершенно здоровые и удобные условия жизни» [8, с. 23]. Однако существовали и идеи, напротив, высотного строительства и больших городов, и высказывалась мысль, что будут побеждены в будущем небольшие и мирные «города-усадьбы» [7, с. 7].

При этом, с точки зрения эстетики, искусство объявлялось некоторыми теоретиками продуктом былого времени (то есть опять же плодом капитализма), и на место искусство приходил совершенный в своей функциональности конструктивизм: «Архитектура бессильна остановить развивающийся конструктивизм»; коммунизм, «конечно, не допустит сохранения уродливых форм прежней архитектуры и не примет эстетизации» [2, с. 36, 59]. Принципами нового строительства должны были стать понимание сути коммунизма, «тектоника» как символ органичности форм, фактура, конструкция [там же, с. 60–62]. При этом, однако, принцип конструктивизма в архитектуре был не так прост, как говорилось в эпиграфе одной из статей журнала «Современная архитектура» за 1926 г.: «Архитекторы! Не подражайте формам техники, а учитесь методу конструктора» [9, с. 63]. Новые принципы строительства пе-

реосмысливали саму идею строительства: «Вместо спящего инертного каменного массива-монумента – гибкий, динамический, напряжённый и разумный организм» [там же].

В итоге принципами структурной организации советского рода стали, в частности, «структурирование пространства путем построения прямых магистральных улиц и характерных высотных зданий»; «возведение монументальных административных и правительственных зданий в центре города»; «сооружение общественных мест церемониального характера»; «строительство жилых районов из идентичных элементов»; «сегрегация, основывающаяся на патрон-клиентских отношениях»; «отсутствие субурбанизации и агломерации» [1, с. 10].

Некоторые идеи советской урбанизации актуальны до сих пор: например, это идея выноса предприятий за границы города и идея децентрализации городов [8, с. 24]. Н.А. Милютин предлагает вполне разумные и точные принципы зонирования городских пространств: жилая часть отделена от производства защитной зоной; железнодорожные пути должны располагаться за производственной зоной, а шоссейные дороги — между производством и жилым районом и т. д. [6, с. 23–24].

В 1925 году впервые были опубликованы некоторые важные нормы по строительству, в частности, в проекте Правил распланирования и застройки городов были предложены рекомендации по установлению размеров жилых кварталов (не более 250 кв. м; при этом не менее 10 % площади должно быть занято общественными зданиями); было установлено разделение территории на строительные зоны (по техническим признакам) и строительные районы (по характеру и целям застройки); также были предложены некоторые другие важные градостроительные принципы, которые воплощались в наиболее развитых городах (например, в новой столице — Москве) [3, с. 188–189].

Утопической оказалась марксистская идея уничтожить противоречие между городом и деревней путем притягивания деревни к городу, по способу взаимодействия с миром. «С “идиотизмом” деревенской жизни будет покончено раз и навсегда и в сравнительно короткое время», — ожидали в 1930-м году; но этого не случилось [8, с. 29]. Утопия простиралась и дальше: «Вся территория Союза будет более или менее равномерно покрыта индустриально-аграрными и аграрно-индустриальными городами, тесно увязанными со своей производственной базой» [там же, с. 30].

Например, в 1950-х годах небольшие города и деревни Урала (вокруг Перми, тогда — г. Молотов) жили в зазоре между прошлым и указами настоящей власти. Утопическим идеям урбанизации противостояла сама реальность: «Условия была и труда рабочих учитывались в последнюю очередь… Рабочий-стахановец, увиденный с близкого расстояния, столь же мало походил на персонажа газетных очерков и официальных характеристик, как и Добрянский машзавод на передовое социалистическое предприятие» [5, с. 25]. Культура уральского полуиндустриального пространства 1940–1950-х годов представляла собой «противоречивое сочетание индустриальной культуры и патриархальных традиций, политической пропаганды и старых обычаев, лагерной жизни и городской свободы, современной промышленности и отсталого сельского хозяйство, пышности отстроенных дворцов на фоне удручающей бедности и убожества бараков» [там же, с. 30].

Заключение

В итоге концепция развития советского города во времени выглядит следующим образом. Вначале, в 1920–1930-х годах, город формировался исходя из авангардной концепции конструктивистского, нового социалистического города. Город сталинского времени был симметричным и монументальным, построен по принципам классицизма, выражающимся в подчинении индивидуума обществу. В дальнейшем же город строился также с учетом принципов функционализма, под знаменем главным образом технического прогресса и развития. Однако идеи социализма приходили в конфликт с социальными и экономическими реалиями, и от ряда радикальных идей советский город как концептуальное явление был избавлен.

Список литературы:

1. *Бон Т.М.* «Минский феномен»: городское планирование и урбанизация в Советском союзе после Второй мировой войны. — Москва, 2013. — 414 с.

2. *Ган А.* Конструктивизм. — Тверь, 1922. — 72 с.

3. *Дутлова Е.Ю., Никонов П.Н. (ред.)* Земля города Москвы в контексте отечественной и мировой истории. — Москва, 2007. — 494 с.

4. *Зильберт А.Э.* Планировка промышленной территории // Архитектура промышленных сооружений. — Москва, 1936. — С. 7–38.

5. *Лейбович О.* В городе М.: очерки социальной повседневности советской провинции. — Москва: Росспэн, 2006. — 295 с.

6. *Милютин Н.А.* Проблема строительства социалистических городов. — Москва-Ленинград, 1930. — 84 с.

7. *Пастернак А.Л.* Урбанизм // Современная архитектура. — 1926. — № 1. — С. 4–7.

8. *Сабсович Л.М.* Социалистические города. — Москва: Московский рабочий, 1930. — 130 с.

9. Стекло в современной архитектуре // Современная архитектура. — 1926. — № 3. — С. 63–64.

10. *Цванкин Я.С. (ред.)* Генеральный план реконструкции города Москвы. — Москва: Московский рабочий, 1936. — 164 с.

11. *French A.R.* Plans, pragmatism and people. The legacy of Soviet planning for today's cities. — London, 1995. — 225 p.